

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 1. С. 126–163

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 1 (2022): 126–63

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-3>

Как министр читает социалиста? Политический протест 1870-х гг. глазами участников межведомственных совещаний

Юлия Александровна Сафронова,

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия,

jsafronova@eu.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>

Yuliya A. Safronova,

European University at St Petersburg,

St Petersburg, Russia,

jsafronova@eu.spb.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>

Аннотация. Статья посвящена правительственной политике в отношении политического протеста в царствование Александра II. На материалах межведомственных совещаний первой половины 1870-х гг. показано, что решения, сыгравшие ключевую роль в эскалации революционного насилия и возникновении политического терроризма, не были результатом «страха» перед лицом революционной угрозы. Напротив, они возникли в результате непонимания природы новой фазы молодежного протеста, отчасти связанного с инерцией восприятия начавшегося «хождения в народ» по аналогии с европейским революционным движением, с одной стороны, и более ранними организациями, в первую очередь «Народной расправой», с другой.

Вместе с тем участники межведомственных совещаний должны были принимать решения в условиях заведомо неполной информации как об идеологии политического протеста, так и о конкретных его проявлениях. В такой ситуации они были вынуждены доверять экспертам из III Отделения и Министерства юстиции, готовившим аналитические записки о противозаконных сообществах, ориентируясь на интересы собственных ведомств. Анализ материалов, предоставленных для обсуждения, в первую очередь текстов, атрибутированных полицией как сочинения братьев Кропоткиных, позволяет сделать заключение о том, что российская бюрократическая элита, воспринимавшая социализм как «дикие теории», отказывалась рассматривать молодежный протест в качестве серьезной угрозы, отдавая решение проблемы на откуп соответствующим ведомствам. Такое отношение определялось противоречиями внутри правительства, в котором борьба за формирование дальнейшего политического курса препятствовала выработке согласованной политики по поводу революционного движения.

© Сафронова Ю.А., 2022

© Safronova Yu.A., 2022

Ключевые слова: политический протест, Александр II, революционное народничество, бюрократия, практики чтения

Для цитирования: Сафронова Ю.А. Как министр читает социалиста? Политический протест 1870-х гг. глазами участников межведомственных совещаний // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6, № 1. С. 126–163, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-3>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда 17-78-10122 «Вовлечение в политическое: сети коммуникации и пространство политического протеста Российской империи 1870 – начала 1880-х гг.»

How does a minister read a socialist? Political protest of the 1870s as viewed by participants in interdepartmental meetings

Abstract. The article is devoted to the governmental policy in relation to political protest during the reign of Alexander II of Russia. Based on the materials of interdepartmental meetings of the first half of the 1870s, it shows that the decisions that played a key role in the escalation of revolutionary violence and the emergence of political terrorism did not result from “fear” of revolutionary threat. On the contrary, they arose as a result of misunderstanding the nature of the new phase of youth protest, partly associated with the inertia of the perception of the incipient “going to the people” (*khozhdenie v narod*) by analogy with the European revolutionary movement, on the one hand, and earlier organizations, primarily the People’s Retribution (*Narodnaya rasprava*), on the other.

At the same time, participants in interdepartmental meetings had to make decisions in conditions of knowingly incomplete information about the ideology of political protest and its specific manifestations. Under those circumstances they had to trust experts from the Third Section and the Ministry of Justice who prepared analytical notes on illegal communities, focusing on the interests of their own departments. Analysis of the materials provided for discussion, primarily texts attributed by the police as the writings of Kropotkin brothers, allows us to conclude that the Russian bureaucratic elite, who perceived socialism as “wild theories,” refused to consider youth protest as a serious threat and gave complete control over the solution to the problem to the relevant departments. This attitude was determined by contradictions within the government, where the struggle to form a further political course prevented the development of a coordinated policy regarding revolutionary movement.

Keywords: political protest, Alexander II, revolutionary populism, Narodnik movement, bureaucracy, reading practices

For citation: Yu.A. Safronova, “How does a minister read a socialist? Political protest of the 1870s as viewed by participants in interdepartmental meetings,” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 1 (2022): 126–63, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-1-3>

Acknowledgments: The study was supported by the grant from the Russian Science Foundation 17-78-10122 “Involvement in the Political: Communication Networks and the Space of Political Protest in the Russian Empire of the 1870s – early 1880s.”

Введение

Обширную историографию народнического движения при значительном интересе к мельчайшим эпизодам деятельности революционеров отличает крайняя схематичность объяснений политики правительства, с ними боровшегося. Парадоксальным образом это верно и для исследований эпохи Великих реформ. Политическая история, внимательная к всевозможным проектам преобразований, государственному аппарату, процессу принятия решений и т.п., удивительным образом оказалась слепа по отношению к политическому протесту. В историографии деятельность революционных сообществ выступала только фоном, фактором, затруднявшим поступательное движение страны к процветанию и прогрессу. Она рассматривалась в качестве причины сворачивания реформ, смены кадров, нарастания «охранительных тенденций» и т.д. При этом сама по себе политика в сфере охраны «общественного порядка» специально не анализировалась, за исключением деятельности политической полиции.

Такая ситуация выглядит тем более удивительной, что наиболее распространенным объяснением радикализации движения 1870-х гг., перехода от мирного «хождения в народ» к террору, закончившемуся царевубийством 1 марта 1881 г., является именно правительственная политика. Сама власть, чрезмерно жестко отреагировав на первую фазу движения, породила вторую. Годы тюрьмы, гибель товарищей и прочие страдания «ожесточили» «мирных» народников, и они перешли к практике революционного насилия. В такой логике была выполнена одна из первых работ, посвященных революционному движению 1870-х гг. Ее автор, В.Я. Богучарский, писал:

Вера в социальную революцию и полнейший аполитизм были характернейшими чертами этого чисто интеллигентского, действительно абсолютно оторванного от жизни страны движения. В высокой степени безобидное и мечтательное, романтическое и утопическое, оно в своем революционизме непременно сошло бы на нет, если бы не привычка русских правящих сфер пугаться проявления в стране буквально всякого шороха¹.

Нетрудно заметить, что В.Я. Богучарский в этом случае воспроизводил аргументы самих революционеров, объяснявших террор в нелегальных изданиях и со скамьи подсудимых. Народолюбец А.А. Квятковский во время Процесса 16-ти в 1880 г. озвучил простую схему:

Всякая молодежь, особенно русская, всегда стремилась и будет стремиться к свободе, как листья растений повертываются к солнцу. Но отношение правительства к ней связывает ее по рукам и ногам в ее человеческих

¹ Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народная воля», ее происхождение, судьба и гибель. Москва: Русская мысль, 1912. С. 2.

стремлениях. <...> Так лучше смерть в борьбе, чем нравственное или физическое самоубийство!²

Советская историография, разумеется, не могла объяснять возникновение протестного движения исключительно действиями правительства. Логика формационного подхода требовала признать возникновение революционных сил неизбежным явлением исторического развития, поскольку сам по себе революционный процесс «диктуется объективными потребностями». В то же время в объяснении эволюции народничества она следовала все той же схеме: в начале 1870-х гг. «царизм» жестоко подавил молодежное движение, но был так им «напуган», что в течение десятилетия бесплодно метался «от комбинированных способов подавления к прямолинейному палаческому способу»³.

Хотя дискуссии внутри бюрократического аппарата о природе политического протеста и методах борьбы с ним становились предметом изучения, их анализ следовал той же схеме. Так, обсуждение «хождения в народ» Комитетом министров в 1875 г. наиболее подробно рассмотрено в вышедшей в 1921 г. статье Н. Ашешова. Комментируя журнал заседаний Комитета, автор объяснял принятые решения неспособностью самодержавия понять объективные социальные процессы:

импотентная в государственном отношении мысль бюрократов отходит немедленно назад при первом признаке свободы⁴.

В 1978 г. Н.А. Троицкий в монографии, посвященной «карательной политике царизма», привел перечень всех межведомственных совещаний 1870-х гг., но анализу логики бюрократических решений он предпочел сатирическое описание участников. Результатом стало заключение, что «...о природе революционного движения царские каратели судили с узкополицейской точки зрения»⁵.

Если политика правительства по отношению к революционному террору после выстрела В.И. Засулич и особенно в период «диктатуры сердца», рассматривалась в целом ряде исследований⁶, то совещания первой половины

² Процесс 16 // Народная воля. 1880. № 4. <http://narovol.narod.ru/document/nv5.htm> (дата обращения: 22.09.2021)

³ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. Москва: Мысль, 1978. С. 69.

⁴ Ашешов Н.П. П.А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году // Былое. 1921. № 17. С. 56.

⁵ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. С. 52.

⁶ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 1964; Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов: коллективная монография [Б.С. Итенберг, А.М. Анфимов, А.М. Соловьева и др.]. Москва: Наука, 1983.

1870-х гг., когда был принят ряд принципиально важных решений, как изменивших инфраструктуру следствия по политическим делам, так и расширивших спектр возможных интерпретаций протеста, только в последние несколько лет стали предметом специального изучения. Новаторской можно назвать статью А.А. Рубцова о расследовании массовых политических преступлений 1870-х гг., ход которых автор анализирует как конфликт правовых культур представителей разных ведомств, отвечавших за обеспечение общественной безопасности⁷. В своей интерпретации исследователь идет за обсуждаемой в историографии проблемой «единства действий администрации», оказывавшей влияние на принятие всех ключевых решений этого периода⁸.

Не ставя под сомнение репрессивный характер правительственной политики в отношении молодежного протеста 1870-х гг., я хочу проанализировать, что лежало в основе принятых решений. На основании каких материалов вносились изменения в законодательство о политических преступлениях, каким видели социализм вообще и российское революционное движение в частности участники межведомственных совещаний? В центре моего внимания находится опыт обращения высшей бюрократии Российской империи с сочинениями российских социалистов.

Комиссии о пересмотре ныне действующих законов о противозаконных сообществах, 1872 г.

Обсуждение революционного движения происходило в течение 1870-х гг. на особых совещаниях, состав которых каждый раз утверждался Высочайшим приказом заново. Основной чертой всех этих собраний была межведомственность. К обсуждению привлекались представители «профильных» ведомств (Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Министерство народного просвещения, III Отделение), либо вообще все высшие бюрократы империи.

Первым по времени межведомственным обсуждением проблемы стали заседания «Комиссии о пересмотре ныне действующих законов о противозаконных сообществах», работавшей в мае 1872 г. Ее появление было вызвано к жизни практическими соображениями: арестованных участников

⁷ Рубцов А.А. От беспорядков к демонстрациям: интерпретация массовых политических преступлений 1870-х гг. российскими властями // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 114–138.

⁸ Rieber A.J. Bureaucratic politics in imperial Russia // Social Science History. 1978. Vol. 2, no. 4. P. 399–413; Христофоров И.А. В поисках единства: административные преобразования в контексте Великих реформ (1850–1870-е гг.) // Административные реформы в России: история и современность / под редакцией Р.Н. Байгзина. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 177–219; Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Москва: РОССПЭН, 2010.

кружков самообразования невозможно было предать суду⁹. Хотя закон 19 мая 1871 г. предоставил министру юстиции право по соглашению с шефом жандармов разрешать политические дела «административным порядком», власти явно испытывали потребность в более твердых юридических основаниях для преследования участников многочисленных молодежных кружков.

Комиссия была образована при Министерстве юстиции, т.к. ее целью был пересмотр законодательства. Кроме 6 сотрудников этого министерства (в том числе председателя – тайного советника Э.В. Фриша) в нее были включены по одному представителю от Министерства внутренних дел, II и III Отделений Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Последнее представлял юрисконсульт политической полиции, статский советник М.Н. Баженов. Важно отметить, что хотя для Комиссии были специально отобраны и напечатаны материалы, состояли они из извлечений из российских и европейских законов о противозаконных сообществах и о преступлениях против государства и его главы¹⁰. Комиссия использовала опыт Франции и Италии при решении некоторых частных вопросов, но обсуждение велось в основном вокруг формулировок собственно российского законодательства. При этом материалов дознаний, вызвавших образование Комиссии, ее членам предоставлено не было.

Дискуссия, которая велась членами Комиссии, позволяет утверждать, что пересмотр законодательства был направлен именно на пресечение деятельности приверженцев социалистических идей. В ходе дискуссии неоднократно было отмечено, что изменение формулировки, сделанное в 1868 г. в ст. 318 Уложения о наказаниях («порядок управления» был заменен на «порядок государственного устройства») было направлено на то, «чтобы под эту статью подвести сообщества с исключительно коммунистическими и социалистическими целями»¹¹. Эта новая формулировка была бесполезна в тех случаях, когда изменение порядка государственного устройства было отдаленной целью сообщества, занимавшегося самообразованием или распространением книг радикального содержания.

Недостатки ст. 318 были обусловлены изменением в характере самого протестного движения, за которым законодательство не поспевало. После убийства в 1869 г. студента Иванова и судебного процесса нечаевцев 1871 года. новое поколение, пришедшее на смену шестидесятникам, было принципиально аполитичным, а потому прямо на государственный строй не покушалось. Члены Комиссии этой трансформации не фиксировали, полагая, что противозаконные сообщества редко преследуют «одну какую-либо

⁹ Отношение Шефа жандармов Министру юстиции, 5 мая 1872 // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7073. Л. 2 об. (По вопросу о противозаконных сообществах).

¹⁰ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов о противозаконных сообществах // РГИА. Ф. 1405. Оп. 72. Д. 7073. Л. 18.

¹¹ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 19 об.–20, 26.

антисоциальную цель без всякого отношения к целям политическим»¹². В их обсуждении «организации» явно видна отсылка к нечаевской «Народной расправе»: состоит из кружков, подчиненных общему начальнику или комитету, члены «дают обет безусловно повиноваться какому-либо», «не знают всех других участников сообщества или начальства последнего»¹³. В 1872 г. такое представление уже стало анахронизмом, но на протяжении 1870-х гг. еще сохранялось в умах многих представителей власти и определяло характер мер, применяемых для борьбы с протестным движением.

«Особое мнение» было подано только юрисконсульту III Отделения М.Н. Баженовым. Его описание противозаконного сообщества было далеко от воображавшейся остальными «Народной расправы» и, по-видимому, основывалось на знании реального состояния дел. С точки зрения Баженова, правительство имело дело не с централизованной и законспирированной организацией, а с аморфными объединениями: «несколько испорченных людей» расширяют свой круг

...беседами в духе взаимного саморазвития, потом совместным чтением книг и брошюр одностороннего и исключительно радикального содержания <...> объявляется цель или задача сообщества, состоящая все чаще в стремлении улучшить быт народа¹⁴.

Записка М.Н. Баженова заставила членов комиссии высказаться собственно о кружках саморазвития, которые раньше были вне сферы их внимания. В отличие от представителя III Отделения, участники совещания не посчитали необходимым специально зафиксировать аполитичные объединения в законе:

Пока подобный кружок не превратился еще в сообщество, пока лица, составляющие его, не связаны общею всем им целью, до тех пор против их будет достаточно принятие одних полицейским мер¹⁵.

В этом случае очевидно расхождение в понимании ситуации политической полицией, по запросу которой было созвано совещание, и представителями других ведомств. В результате победило мнение большинства: даже если члены кружков самообразования представляют «вредный элемент для общественного порядка», нет необходимости специально их преследовать, если они не включены в централизованную организацию.

По большому счету, именно это взаимное непонимание предопределило особенности дознания о пропаганде в империи и Процесса 193-х. Политическая полиция и прокуратура могли смотреть на молодежный протест только через призму «противозаконного сообщества» и централизованной организации,

¹² Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 48 об.

¹³ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 35.

¹⁴ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 40.

¹⁵ Журнал комиссии о пересмотре ныне действующих законов. Л. 42.

данную им законодательно по результатам совещаний 1872 г. Более аморфные формы политического протеста, молодежные собрания и ученические кружки были им недоступны юридически. На практике это приводило к тому, что протестное движение 1870-х гг. в глазах представителей власти выглядело единым, хорошо скоординированным, протянувшим свои сети по всему пространству империи, что мало соответствовало реальной картине¹⁶. Неудивительно, что обвинения против участников молодежного протестного движения легко рассыпались во время судебных процессов. Доказательства существования единого центра агитации, выполнявшего общую «программу», были эфемерны.

Решение по результатам деятельности Комиссии было принято общим собранием Государственного совета только два года спустя, 6 апреля 1874 г., и утверждено Александром II в июне. Взамен ст. 318 Уложения были введены четыре новых пункта, дававшие возможность преследовать сообщества, покушающиеся на «основы общественной жизни». В окончательной версии было сохранено мнение большинства о решающем значении централизованной организации и безусловном подчинении некому руководителю как об отягчающем обстоятельстве. Мнение представителя III Отделения, смотревшего на дело, исходя из прагматики и знаний политических реалий, во внимание принято не было.

Комитет министров, 1875 г.

На трех заседаниях Комитета министров 18, 26 марта и 1 апреля 1875 г. проблема революционной пропаганды была поднята вновь на более высоком уровне. Как и в предыдущем случае, инициатором совещания был начальник III Отделения, а предметом занятий министров должна была стать проблема распространения в обществе «разрушительных учений». При этом Александр II специально распорядился, чтобы Комитет не просто высказался о том, что все ведомства должны противодействовать «разрушительным теориям», но обсудил

не представляется ли вообще необходимым и полезным принять какие-либо другие меры с целью уменьшить влияние обнаружившейся деятельной пропаганды пагубных лжеучений¹⁷.

Такое указание возникло потому, что еще в январе 1875 г. министр юстиции разослал письмо к председателям и прокурорам судебных палат с указанием противодействовать злу не только служебной деятельностью, но и в частной жизни.

¹⁶ Рубцов А.А. Социальные сети революционного народничества 1870-х годов в материалах следственных дел // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 2. С. 75–84.

¹⁷ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875 // РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 1.

Весенние заседания 1875 г. стали первым обсуждением проблемы всеми руководителями министерств и ведомств (в декабре 1874 г. собиралось совещание семи министров по поводу студенческих волнений в Петербурге). В Комитет министров также были приглашены бывший глава III Отделения П.А. Шувалов и сменивший его на этом посту А.Л. Потапов. Важно отметить, что именно к обсуждению 1875 г. впервые специально были подготовлены материалы: записка министра юстиции К.И. Палена о развитии в России революционной пропаганды (по-видимому, написанная прокурором С.С. Жихаревым) и доклад А.Л. Потапова на основе материалов III Отделения о количестве арестованных и привлеченных по производившимся политическим дознаниям. Кроме того, министрам для ознакомления были предоставлены два текста, атрибутированных полицией как сочинения А.А. и П.А. Кропоткиных.

Следует обратить внимание на признание министрами своей неосведомленности о предмете обсуждения. В журнале Комитета она была описана как

...всеобщая до сего времени неизвестность <...> обнаруженных произведенным в последнее время дознанием фактов, а равно и существа развиваемых агитаторами теорий и предлагаемых ими мер к осуществлению их пагубных замыслов¹⁸.

Н. Ашешов расценил это высказывание как укол в адрес политической полиции вообще и ее бывшего руководителя П.А. Шувалова в особенности. Влияние последнего в течение предшествующих восьми лет основывалось почти исключительно на «запугивании» императора угрозой революции¹⁹.

В этих обстоятельствах особенно важно, как именно Комитету министров было представлено развитие революционного движения тремя «экспертами» – П.А. Шуваловым, А.Л. Потаповым и К.И. Паленом, а также на основании каких текстов министры должны были составить мнение о «существовании теорий».

В записке министра юстиции развитие новой фазы молодежного движения было представлено как попадание разрозненных кружков впечатлительной молодежи («их деятельность не переходила за пределы чисто теоретических, литературных споров и юношеских увлечений»²⁰) под контроль прибывавших из-за границы адептов Бакунина и других «ультра-демократов и социалистов», связанных с Интернационалом. В результате к 1874 г. империя оказалась покрыта сетью тайных противозаконных сообществ, участники которых имели целью «ниспровержение государственного устройства, всего существующего порядка и водворение полнейшей анархии», для достижения которой они шли

¹⁸ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875. Л. 3.

¹⁹ Ашешов Н.П. П.А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году. С. 54.

²⁰ Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.) // Былое. 1907. № 9. С. 269.

«по строго последовательно выполняемому плану»²¹. Легко заметить, что это описание отличалось крайней непоследовательностью. С одной стороны, в записке было перечислено множество различных кружков, подчеркнута деятельность отдельных людей и описаны разрозненные эпизоды революционной борьбы. С другой стороны, по тексту были рассыпаны намеки на некое общее руководство, однако прямо лидеры или революционные центры названы не были.

Докладная записка А.Л. Потапова указывала на процесс Нечаева как на момент, с которого можно начать «новое направление» революционного движения в России, когда вместо политической программы в центре протеста оказались экономические вопросы. Он также характеризовал движение как сплоченное и хорошо организованное («по одной и той же программе, одними общими средствами»), и при этом охватывающее «не отдельные кружки, но – можно сказать – почти целую генерацию»²². Общим для обоих аналитических текстов было указание на новизну явления и тесную связь с «теориями» – социалистическими и коммунистическими.

Интерпретация бывшего шефа жандармов П.А. Шувалова отличалась от версий К.И. Палена и А.Л. Потапова, но именно она оказалась зафиксированной в журнале Комитета. Движение виделось Шувалову непрерывным процессом, начавшимся в 1866 г. и неуклонно расширявшимся в течение девяти лет с 4 губерний до 30 как «следствие совокупной деятельности дисциплинированной партии приверженцев лжеучений»²³. По-видимому, Комитет принимал решения под влиянием именно этой последней версии.

«Разрушительные теории» глазами имперской бюрократии

Народническое движение 1870-х гг. в идейном отношении было исключительно разрозненным явлением. Необходимость смотреть на происходящее как на «сообщество» заставляла чиновников искать «программу», разделяемую всеми участниками движения и выраженную в одном или нескольких текстах. В записке К.И. Палена неоднократно было подчеркнута влияние рукописей и печатных изданий на развитие молодежного протеста. В ней были упомянуты произведения М.А. Бакунина, журнал П.Л. Лаврова «Вперед», легальные («Дедушка Егор», «Митюха», «Степные очерки», «Очерки фабричной жизни», «Сила солому ломить») и нелегальные («О Стеньке Разине», «История французского крестьянина», «Сказка о четырех братьях», «Сборник новых стихов и песен», «Хитрая механика», «Что-то

²¹ Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.). С. 276.

²² Потапов А.Л. О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1–1 об. (Докладная записка Начальника III Отделения ЕИВК А.Л. Потапова «О революционном движении в России»).

²³ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875 // РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 2 об.

братцы») издания, распространявшиеся «в народе». Этот список был далеко не полон и не составлял всего спектра «социалистической» литературы, которую читали в революционных кружках. Ни одно из перечисленных произведений Комитету министров предоставлено не было, хотя были даны краткие характеристики некоторым из них. В частности, о брошюре «Стенька Разин» было сказано: «восхваляются и воспеваются его действия и казнь, как подвиги великого гражданского мужества на защиту угнетенного народа». Ряд легальных сочинений о крестьянской жизни был охарактеризован следующим образом:

пропагандируется мысль о безвыходном положении рабочего класса, об эксплуатации его капиталом, о гибельных последствиях кулачества и, наконец, выставляются резкие примеры успешного протеста со стороны задавленного крестьянства и вообще низших классов²⁴.

В Записке А.Л. Потапова о них же было сказано

...распространяются даже книги, нередко разрешенные цензурой, которая затрудняется сквозь условную фразеологию, понять истинный смысл и назначение, по-видимому, невинного произведения²⁵.

Важнее всей этой массы литературы для народа, издаваемой чайковцами и их последователями, для министерства юстиции были сочинения Бакунина. В записке именно «бакунинские рукописи» представлены как идеологическая основа всех остальных сочинений, а цитата из «Государственности и анархии» иллюстрирует конечную цель всего движения:

разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов, – организация разнузданной народной черни всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира²⁶.

Очевидно, что выбор сочинений Бакунина и определение цели всех вообще кружков как «полное водворение анархии» были намеренными. Министерство юстиции создавало картину идейно сплоченного движения, приписывая взгляды его крайнего крыла вообще всем участникам протестных сообществ. В то же время цитата из Бакунина должна была демонстрировать министрам абсурдность исповедуемых теорий («Как ни дико подобное учение...»).

Если министерство юстиции предлагало смотреть на молодежное движение в основном через призму анархизма в версии М.А. Бакунина, то политическая

²⁴ Записка министра юстиции графа Палена. С. 274.

²⁵ Потапов А.Л. О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1 об.

²⁶ Записка министра юстиции графа Палена. С. 270.

полиция в лице А.Л. Потапова представила Комитету министров другие «очки» – анархизм в изводе раннего П.А. Кропоткина. Сочинение Петра Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» было написано в 1873 г. как фиксация программы кружка чайковцев²⁷. Хотя оно упомянуто в воспоминаниях участников «хождения в народ» как важный программный документ, его текст с купюрами впервые был напечатан в журнале «Былое» только в 1921 г. Сам П.А. Кропоткин в «Записках революционера» утверждал, что из всех членов организации его взгляды на цель движения и средства ее достижения поддерживали только четыре человека²⁸. Кроме того, едва ли не каждый вновь возникавший кружок считал своим долгом оформить свою программу, так что параллельно существовало множество конкурирующих с запиской Кропоткина текстов.

Комитету министров и позднее суду это сочинение было представлено как «программа пропаганды», а ее автор как «один из передовых деятелей агитации»²⁹. При этом записка была предоставлена министрам со значительными сокращениями: из первой части, посвященной «идеалу будущего строя», была исключена примерно половина текста. Оставлена была более абстрактная часть, содержащая как отсылки к идеям «социалистов» вообще, «писателям прежнего времени», «мыслителям», «экономистам», так и конкретные имена – Оуэн, Дарвин, Уоллес, Прудон. Там же положительно упоминался опыт Западной Европы, США, Швейцарии, Франции и Германии³⁰. Сокращены были рассуждения Кропоткина о бесполезности государства, а также все предложения по реализации социалистического идеала после революции. Исключенная часть была наиболее самостоятельной, конкретной и, кроме того, содержала упоминания российских реалий. Например, в ней говорилось о неравенстве затрат труда хлебопашцев Тамбовской и Вятской губерний³¹. Очевидно, целью сокращений было создание иллюзии вторичности текста, зависимости идей автора от западноевропейской социалистической мысли, неприложимости их к российским реалиям.

Анализируя содержание записки в докладе, подготовленном до заседания Комитета и датированном 4 марта 1875 г., А.Л. Потапов свел ее к двум аспектам: что подлежит «уничтожению» (личная собственность, правительство, высшие учебные заведения) и какими средствами оно должно осуществляться.

²⁷ См.: Щенникова О.Н. Значение записки П.А. Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» для развития народнической идеологии // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4. С. 87–90.

²⁸ Кропоткин П.А. Записки революционера. Москва: Московский рабочий, 1988. С. 274.

²⁹ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875 // РГИА. Ф.1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 3 об.

³⁰ Кропоткин П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. 1870–1875 / под редакцией С.Н. Валка. Москва: Наука, 1964. С. 55–71.

³¹ Кропоткин П.А. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? С. 71–84.

Нетрудно заметить, что второе волновало шефа жандармов больше, поскольку эта часть была развернута им подробнее.

Осуществление этого идеала должно совершаться путем социальной революции, которая потребует много частных, даже общих взрывов. Ускорение, вызов этих взрывов всеми путями – такова задача революционной партии. При этом все средства признаются позволительными и даже необходимыми в отношении к представителям капитала и власти, с которыми она вступает в борьбу,

– так представлена «программа пропаганды» в анализе А.Л. Потапова³².

В журнале Комитета зафиксирована несколько иная интерпретация текста А.Л. Потаповым. «Идеал будущего строя» представлен так же коротко («...общезитие, вне всякого Государства, при отрицании всякой собственности и власти и воображаемом существовании одних лишь общин»³³). «Практической» части, напротив, уделено больше внимания. Вместо общих слов о необходимости революции А.Л. Потапов представил пересказ аргументов П.А. Кропоткина в пользу пропаганды «в народе» и бессмысленности распространения данных учений в среде учащейся молодежи. Последняя была описана как «непроизводительная затрата времени» из-за недостаточной восприимчивости юношества к «крайним воззрениям» и его неспособности «отрешиться от науки»³⁴. Из обсуждения Комитетом становится более ясным, почему фокус был смещен. На основании представленных материалов и их анализа министры пришли к заключению, что революционный идеал не может возбуждать сочувствие «даже в натурах неразвитых и склонных к экзальтации». По мнению представителей Комитета, пропагандисты действовали обманом, скрывая свои настоящие цели не только от общества, но и от своей основной аудитории – молодежи и народа³⁵.

Если сочинение П.А. Кропоткина неоднократно обсуждалось в историографии, то второй документ, найденный в бумагах его брата Александра Кропоткина³⁶, как правило, исключают из корпуса текстов, важных для народнического движения. Сочинение, названное Потаповым «Программа революционной пропаганды, составленная князем А. Кропоткиным», было опубликовано в журнале «Былое» в 1921 г. как предисловие к записке «Должны

³² Потапов А.Л. О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1.

³³ Копия журнала Комитета министров // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 129. Л. 12. (Препроводительное письмо Коханова Д.М. Сольскому с приложением выписки из журнала комитета министров о революционной пропаганде в России).

³⁴ Копия журнала Комитета министров. Л. 13 об.–16.

³⁵ Копия журнала Комитета министров. Л. 12 об.–13.

³⁶ А.А. Кропоткин известен как автор ряда трудов по математике. В 1876 г. был заподозрен в организации побега младшего брата, административно сослан в Томск, где покончил с собой в 1886 г.

ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» и атрибутировано как текст П.А. Кропоткина. Никаких комментариев по поводу того, что III Отделение считало автором сочинения А.А. Кропоткина, Н. Ашешов не дал. В 1964 г., публикуя полный текст «Должны ли мы...», Б.С. Итенберг назвал атрибуцию Ашешова «грубой ошибкой». Среди его аргументов – несовпадение дат: записка была написана в июле 1874 г., когда Петр Кропоткин уже находился в крепости. Кроме того, Александр Кропоткин вел переписку с П.Л. Лавровым о публикации этого сочинения в журнале «Вперед!»³⁷. Эта атрибуция была оспорена В.Г. Базановым, а затем Н.А. Троицким. По их версии, А.А. Кропоткин не мог быть составителем записки, поскольку не участвовал ни в каких революционных организациях. Несовпадение дат, с их точки зрения, можно объяснить тем, что Петр Кропоткин, как свидетельствуют мемуаристы, во время свиданий в тюрьме передавал брату шифрованные записки, которые могли содержать текст программы³⁸.

Для рассматриваемого мною вопроса авторство «Программы революционной пропаганды» не столь важно, как внимание, уделенное Комитетом министров этому более практическому и, что немаловажно, более короткому тексту. В отличие от абстрактного сочинения об «идеале будущего строя», «Программа» не содержала никаких теоретических положений. Провозгласив в первом абзаце неизбежное поступательное движение от заговоров к вооруженному мятежу (без указания движущих сил «мятежа»), ее автор перешел к ряду практических советов, как необходимо «ходить в народ». Он утверждал, что одного желания стать революционером мало, нужна подготовка: чтение, изучение ремесла и личное знакомство с жизнью народа. При этом на этапе знакомства пропагандистам следует молчать, чтобы «не попасться понапрасну». Советы, по-видимому, были фиксацией ошибок первой волны «хождения», поэтому лежали в практической плоскости. В некоторых случаях они имели скорее анекдотический характер. Например, пропагандистам не следовало носить красные рубахи, т.к. те «режут глаза крестьян, они так одеваются только по праздникам»³⁹.

Нет никаких данных о том, была ли «Программа» известна в народнических кружках и выражала ли она хоть сколько-нибудь консолидированное мнение. Комитет министров с подачи чинов III Отделения и Министерства юстиции обсуждал ее не как пример, но именно как общую программу всего движения. Возможно, поэтому ее содержание было передано А.Л. Потаповым с помощью формулировок Уложения о наказаниях: программа затрагивает основы «нравственности» и «общественного порядка», а также возбуждает ненависть

³⁷ Итенберг Б.С. Предисловие // Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. С. 11.

³⁸ Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды 1871–1874 годов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. С. 7–8.

³⁹ Программа революционной пропаганды, составленная князем А. Кропоткиным // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 4 об.

«не только к существующему государственному устройству, но и ко всему нынешнему экономическому и семейному строю народной жизни»⁴⁰.

В действительности цель движения была сформулирована в тексте исключительно абстрактно. Например, «Программа» содержала совет не использовать в пропаганде «общечеловеческих идей о социализме, равенстве и солидарности», поскольку они непонятны народу. Также в ней рекомендовалось ни в коем случае не задевать религиозных убеждений (революционерам следует ходить в церковь, соблюдать посты и т.д.) и веры в царя (иногда даже полезно его «косвенно восхвалять»), агитировать же только против «правительства и господ»⁴¹. Для того, чтобы увидеть в этом тексте нарушение закона, очевидно, надо было приложить некоторые усилия и воображение. Неудивительно, что А.Л. Потапов сетовал на «неуловимость» революционеров: «система пропаганды представляет так мало юридических улик и вообще внешних проявлений»⁴².

Члены Комитета министров, основываясь на предоставленных им сочинениях, пришли именно к тому выводу, к которому их подталкивали «эксперты»: пропаганда развивается потому, что действует обманом («постоянно указывают на необходимость для успеха дела скрывать его конечные цели, <...> в сношениях с народом подделываться к его понятиям, не касаясь ни веры, ни Царя»). Провозглашенный революционерами «идеал» не может находить к себе сочувствия не только в обществе, но даже у восприимчивой молодежи, поскольку представляет собой «бред фанатического воображения». Пропагандисты «отвергают всякие меры, направленные к поднятию уровня народного благосостояния», предлагая вместо этого «ручьи, реки, наводнения крови»⁴³.

Отношение к социалистическим идеям как к «бреду», с помощью обмана насаждаемому на благодатную почву юных умов, которым именно в силу молодости свойственно искание справедливости и добра, привело Комитет министров к вполне закономерным решениям. Главным способом борьбы с революционной пропагандой была объявлена «гласность». На открытом судебном процессе должна была быть «разоблачена вся тлетворность изъясненных учений и степень угрожающей от их осуществления опасности». Пока суд готовился, предполагалось эту же информацию распространять через печать⁴⁴.

⁴⁰ Потапов А.Л. О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1.

⁴¹ Программа революционной пропаганды, составленная князем А. Кропоткиным // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 5.

⁴² Потапов А.Л. О революционном движении в России // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 131. Л. 1 об.

⁴³ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875// РГИА. Ф.1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 3 об.

⁴⁴ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875. Л. 4. Вне контекста эта цитата кажется призывом к кровавой резне помещиков, между тем

В прениях несколько членов Комитета министров (министр финансов А.С. Грейг, министр государственных имуществ П.А. Валуев, министр путей сообщения К.Н. Посьет, а также П.А. Шувалов, А.Л. Потапов и великий князь Константин Николаевич) высказались за необходимость более глубокого изучения причин развития революционного движения и «более обдуманной системы правительственных мероприятий». Из них только П.А. Валуев был готов обозначить проблему более конкретно: школа и духовенство в том виде, в каком они существуют, не способны противодействовать лжеучениям и «служить надежнейшими опорами здравых государственных начал». Большинство членов Комитета посчитали задачу определения причин пропаганды слишком «многосложной» и даже «превышающей силу нескольких лиц», а потому отказались обсуждать любые меры противодействия «анархическим стремлениям», возложив ответственность за них на «подлежащих министрам»⁴⁵. В интерпретации Н. Ашешова, Комитет министров в принципе близко подошел к «правильным» заключениям («соприкасался с вопросами свободы печати, пропаганды и общественного мнения, и анкеты о причинах революционного движения и его связи с благосостоянием народных масс и народной школы»), но не смог преодолеть «самодержавную старозаветность»⁴⁶.

Совершенно иное объяснение дано в дневнике П.А. Валуева, в котором представлено единственное свидетельство о мартовских заседаниях, помимо журнала Комитета министров. По его версии, вопрос действительно не обсуждался «по существу», но исключительно из-за конфликта между министрами, подогретого приглашением к участию в заседаниях вел. кн. Константина Николаевича. Сам Валуев, предлагая исследовать школу и церковь, вовсе не имел в виду их демократизацию, как интерпретировал сведения журнала Комитета Н. Ашешов. Напротив, его предложения были восприняты «либеральной» частью Комитета (великим князем, Д.А. Милютиным и А.А. Абазой) как покушение на Положения 19 февраля или сомнение в верности русского народа Царю и Отечеству. В дневнике также зафиксировано не вошедшее в журнал высказывание А.М. Горчакова, что пропагандисты являются «лучшими союзниками правительства». Именно старые несогласия в вопросах внутренней политики, по мнению П.А. Валуева, привели к тому, что члены комитета не вникали в суть предложенного им на обсуждение вопроса и предпочли «...отделаться фразами. Заговорили об оглашении социальных программ как о лучшем средстве призвать на выручку

П.А. Кропоткин писал о подавленных народных восстаниях: «зверства» и «реки крови» должны подрывать веру народа в царя. (П.А. Кропоткин. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? С. 38.)

⁴⁵ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875// РГИА. Ф.1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 4 об.

⁴⁶ Ашешов Н.П. П.А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году. С. 57.

здравый ум мужика и т.п.»⁴⁷ Примечательно, что в дневнике Д.А. Милютин, другого участника этих совещаний, записи за февраль–март 1875 г. отсутствуют, а события двух пропущенных месяцев резюмированы следующим образом: «не произошло ничего <...> Затрудняюсь теперь и припомнить что-нибудь особенное, заслуживающее занесение в дневник задним числом»⁴⁸.

По большому счету, единственным решением Комитета было требование скорейшей публикации «известий о раскрытых производящимся следствием фактах и намерениях революционных агитаторов». Форма такой публикации должна была определяться министром внутренних дел по соглашению с министром юстиции и шефом жандармов⁴⁹.

Заключение

Накануне самого масштабного судебного процесса народников, определившего характер движения второй половины 1870-х гг., наиболее представительное обсуждение проблемы политического протеста бюрократической элитой не имело никакого существенного результата, несмотря на прямой запрос императора. Комитет министров, многие члены которого, по их собственному признанию, обсуждали проблему преступной пропаганды и сущность «лжеучений» впервые, вполне закономерно пришел к тем выводам, к которым подталкивали его «эксперты». Социализм виделся им фанатическим «бредом», не имевшим отношения к российской действительности, а его распространение связывалось с прямым обманом пропагандистами своей доверчивой аудитории, состоявшей из незрелой молодежи и еще более незрелого «народа». Такое мнение во многом сформировалось на основании содержания предложенных для чтения текстов, изъятых у братьев Кропоткиных и представленных как программные документы всего движения, а не частные мнения отдельных людей или одного конкретного кружка.

В соединении с принятыми годом ранее поправками в Уложение о наказаниях, решения Комитета министров производили странный эффект. «Разрушительные теории» казались вроде бы не опасными, не имеющими никаких шансов на усвоение целевой аудиторией, коль скоро сущность этих идей будет объяснена через печать и гласный судебный процесс. За их распространение, однако, полагалось очень серьезное наказание, поскольку они покушались на «общественный порядок и спокойствие». При этом для того, чтобы уловить эти «разрушительные теории» в революционных сочинениях,

⁴⁷ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел / под редакцией, введение, биографический очерк и комментарий П.А. Зайончковского. Т. 2. 1865–1876. Москва: АН СССР, 1961. С. 317.

⁴⁸ Милютин Д.А. Дневник. Т. 1. 1873–1875. Москва: Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина, отдел рукописей, 1947. С. 182.

⁴⁹ Выписка из журналов Комитета министров 18 и 26 марта и 1 апреля 1875// РГИА. Ф.1409. Оп. 3. Д. 8472. Л. 5.

бывших зачастую единственными уликами против участников «хождения в народ», порой нужно было приложить немало усилий. По большому счету, Комитет министров отдал решение проблемы на откуп «подлежащим ведомствам», каждое из которых, очевидно, преследовало свои цели. III Отделению необходимо было пресечь любые формы протеста, а Министерству юстиции в лице прокуроров – дать ему для этого законные основания, определенные в Уложении о наказании на основе представлений Комиссии 1872 г., имевших мало отношения к действительности. Если говорить не о тактических решениях, принятых политической полицией и прокурорским надзором, а об общей политике государства, можно прийти к заключению, что основу ее составлял отнюдь не «страх» перед революционным движением. Напротив, мы имеем дело с недооценкой серьезности проблемы в первой половине 1870-х гг. Члены Комитета министров демонстрировали явную незаинтересованность в серьезном обсуждении вопроса, предпочтя согласиться с позиций «экспертов». Такое отношение определялось противоречиями, сложившимися задолго до мартовских заседаний и отнюдь не в связи с революционным движением.

Провал в понимании происходящего был ясно осознан только к 1877 г., когда 16 марта на заседании Совета министров под председательством Александра II было принято решение создать специальную комиссию для исследования «причин быстрого распространения разрушительных учений в среде молодого поколения»⁵⁰. Проект программы работы Комиссии по поручению императора и под руководством П.А. Валуева составляли министры внутренних дел, юстиции, народного просвещения и шеф жандармов. Комитет министров, обсуждавший проект 10 и 17 мая, высказался примерно в том же духе, что и за два года до этого. Предложенные комитету вопросы казались сложными и многосторонними, могли вызвать «неудобные обсуждения» многих предметов⁵¹. Одновременно участники заседания констатировали патриотический подъем в связи с балканскими событиями и сочли обсуждение проблемы революционного движения, которое наверняка стало бы гласным и привело к ненужным толкам, несвоевременным. На журнале Комитета министров Александр II оставил помету «Отложить впредь до более благоприятного времени», тем самым предопределив дальнейшее углубление непонимания происходящего высшей администрацией, что привело к катастрофическим последствиям.

⁵⁰ Особый журнал Комитета Министров 10 и 17 мая 1877 // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3903. Л. 1 об. (Журнал комитета министров по составлению программы занятий по исследованию причин распространения в России пропаганды)

⁵¹ Особый журнал Комитета Министров 10 и 17 мая 1877. Л. 10–10 об.

Introduction

While showing a significant interest in the smallest episodes of the activities of the revolutionaries, the extensive historiography of the Narodnik movement is distinguished by the extremely schematic explanations of the policy of the government that fought against them. Paradoxically, this is also true for research into the era of the Great Reforms. Political history, attentive to all kinds of reform projects, the state apparatus, the decision-making process, etc., turned out to be surprisingly blind in relation to political protest. In historiography, the activities of revolutionary communities were only a background, a factor that hindered the country's forward movement towards prosperity and progress. It was seen as a reason for rolling back reforms, personnel change, the growth of “protective tendencies,” etc. At the same time, the policy in the field of enforcement of public order has not been specifically analyzed, with the exception of the activities of the political police.

This situation looks even more surprising since it is the governmental policy that is the most common explanation for the radicalization of the 1870s movement and transition from peaceful “going to the people” to terror, which ended with the regicide on March 1, 1881. Having overreacted to the first phase of the movement, the authorities themselves gave rise to its second phase. Years of imprisonment, death of comrades and other sufferings “hardened” the “peaceful” narodniks and they turned to the practice of revolutionary violence. One of the first works devoted to the revolutionary movement of the 1870s was written in compliance with this logic. Its author V. Bogucharsky wrote:

Belief in a social revolution and total indifference to politics were the most characteristic features of this movement, which comprised only intelligentsia and was absolutely out of touch with life in the country. Highly harmless and dreamy, romantic and utopian, it would certainly have come to naught in its revolutionary character but for the habit of the Russian ruling spheres to be frightened of a manifestation of any rustle in the country.¹

It is easy to see that in this case Bogucharsky reproduced the arguments of the revolutionaries themselves, who gave explanations to the terror in illegal publications

¹ V.Ya. Bogucharskii, *From the history of political struggle in the 1870s and 1880s. The Narodnaya Volya party, its origin, fate and death* [in Russian] (Moscow: Russkaya mysl', 1912), 2.

and from the dock. During the Trial of the Sixteen in 1880, Alexander Kvyatkovsky, a member of Narodnaya Volya, communicated a simple scheme:

Any young people, especially Russian ones, have always strived and will strive for freedom in the same way as leaves of plants turn to the sun. But the attitude of the government towards them binds them hand and foot in their human aspirations. . . . So, death in struggle is better than moral or physical suicide!²

Soviet historiography, of course, could not explain the emergence of the protest movement solely by the actions of the government. The logic of the formational approach demanded the emergence of revolutionary forces to be recognized as an inevitable phenomenon of historical development, since the revolutionary process itself “was dictated by objective needs.” At the same time, in explaining the evolution of populism, it followed the same pattern: in the early 1870s, the tsarist government suppressed the youth movement brutally but was so “frightened” that for a decade it was fruitlessly rushing “from combined methods of suppression to a straightforward executioner’s method.”³

Although discussions within the bureaucratic apparatus about the nature of political protest and methods of struggle with it became the subject of study, their analysis followed the same pattern. The discussion of “going to the people” by the Committee of Ministers in 1875 was given most detailed consideration in the article by N. Asheshov written in 1921. In his commentary to the journal of the Committee’s meetings, the author explained the decisions taken by the inability of the autocracy to understand objective social processes:

the impotent thought of the bureaucrats regarding the state withdraws immediately at the first sign of freedom.⁴

In 1978, N. Troitskii gave a list of all interdepartmental meetings of the 1870s in his monograph devoted to the punitive policy of tsarism, but he preferred to satirically describe the participants rather than analyze the logic of bureaucratic decisions. As a result, he concluded that “. . . the tsarist persecutors considered the nature of the revolutionary movement from a narrow point of view of the police.”⁵

² “Trial of the Sixteen” [in Russian], *Narodnaya volya*, no. 4, 1880, accessed September 22, 2021, <http://narovol.narod.ru/document/nv5.htm>

³ N.A. Troitskii, *The daring of the valiant. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866–1882* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1978), 69.

⁴ N.P. Asheshov, “Peter Kropotkin and the Russian government in 1875” [in Russian], *Byloe*, no. 17 (1921): 56.

⁵ Troitskii, *The daring of the valiant*, 52.

The governmental policy in relation to revolutionary terror after the shot fired by Vera Zasulich and especially during the period of the “dictatorship of the heart” was considered in a number of studies.⁶ However, the meetings of the first half of the 1870s, when a number of fundamentally important decisions were made to change the infrastructure of the political investigation and to expand the range of possible interpretations of the protest, have become the subject of special study only in recent years. The article by A. Rubtsov on the investigation of mass political crimes of the 1870s can be referred to as an innovative one. The author analyzed their course as a conflict of legal cultures of the representatives of different departments responsible for ensuring public security.⁷ In his interpretation, the researcher followed the problem of “the unity of administrative actions,” widely discussed in historiography, which influenced all key decisions taken during that period.⁸

Without questioning the repressive nature of the governmental policy towards the youth protest of the 1870s, I would like to analyze what underlay the decisions taken. Which materials constituted the basis for the changes made to the legislation on political crimes? How did the participants of interdepartmental meetings perceive socialism in general and Russian revolutionary movement in particular? My attention is focused on the experience of handling the writings of Russian socialists by the supreme bureaucracy of the Russian Empire.

Commission for the Revision of Current Laws on Illegal Communities, 1872

The discussion of the revolutionary movement took place during the 1870s at special meetings, the composition of which was approved by the Supreme order anew each time. Interdepartmental nature was the main feature of all those meetings. The discussion involved representatives of the “specialized” departments (Ministry of Internal Affairs, Ministry of Justice, Ministry of Public Education, and Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery) or all the supreme bureaucrats of the Empire in general.

⁶ P.A. Zaionchkovskii, *The crisis of autocracy at the turn of the 1870s–1880s* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1964); B.S. Itenberg, A.M. Anfimov, A.M. Solov'eva et al., *Russia in a revolutionary situation at the turn of the 1870s–1880s: a multi-authored monograph* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1983).

⁷ A.A. Rubtsov, “From unrest to demonstrations: the policy of the Russian authorities regarding mass political actions of the radical youth of the 1870s” [in Russian], *Antropologicheskii forum*, no. 44 (2020): 114–38.

⁸ A.J. Rieber, “Bureaucratic politics in imperial Russia,” *Social Science History*, vol. 2, no. 4 (1978): 399–413; I.A. Khristoforov, “In search of unity: administrative transformations in the context of the Great Reforms (1850s–1870s)” [in Russian], in *Administrative reforms in Russia: history and modernity*, ed. by R.N. Baigzin (Moscow: ROSSPEN, 2006), 177–219; A.V. Remnev, *Autocratic government: Committee of Ministers in the system of supreme government of the Russian Empire (the second half of the 19th – early 20th century* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2010).

The first interdepartmental discussion of the problem took place at the meetings of the Commission for the Review of the Current Laws on Illegal Communities, which convened in May 1872. Its emergence was prompted by practical considerations: the members of self-education circles who were under arrest could not be brought to trial.⁹ Although the law of May 19, 1871 granted the Minister of Justice the right to resolve political affairs “by administrative order” by agreement with the Chief of the Gendarmes, the authorities clearly felt the need for a firmer legal basis to prosecute members of numerous youth circles.

The commission was formed under the Ministry of Justice because its purpose was to revise legislation. In addition to 6 employees of the Ministry (including the chairman, Privy Councilor E. Frisch), it included one representative from the Ministry of Internal Affairs, one from the Second Section, and one from the Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery. The latter was represented by the political police legal adviser and Councilor of State M. Bazhenov. It is important to note that although the materials for the Commission to consider were specially selected and printed, they consisted of extracts from Russian and European laws on illegal communities and crimes against the state and its head.¹⁰ The Commission used the experience of France and Italy in solving some particular issues but the discussion was held mainly around the wording of the Russian legislation. At the same time, the materials of the inquiries that caused the formation of the Commission were not provided to its members.

The discussion held by the members of the Commission makes it possible to assume that the revision of legislation was aimed at suppressing the activities of adherents of socialist ideas. During the discussion, it was repeatedly noted that the change in wording made in 1868 in Article 318 of the Code of Punishments (“the order of government” was replaced by “the order of state system”) was aimed at “bringing under this article the communities with exclusively communist and socialist goals.”¹¹ This new wording was useless in the cases when changing the order of state system was a distant goal of a community engaged in self-education or distribution of books of radical content.

⁹ “Otnoshenie Shefa zhandarmov Ministru yustitsii, 5 maya 1872” [Memorandum from the Chief of Gendarmes to the Minister of Justice, May 5, 1872]. Po voprosu o protivozakonnykh soobshchestvakh [On the issue of illegal communities]. F. 1405, op. 72, d. 7073, l. 2 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

¹⁰ “Zhurnal komissii o peresmotre nyne deistvuyushchikh zakonov o protivozakonnykh soobshchestvakh” [Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities]. F. 1405, op. 72, d. 7073, l. 18. RGIA.

¹¹ “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” ll. 19 ob.–20, 26.

Disadvantages of Article 318 were caused by the changes in the nature of the protest movement itself, which the legislation did not keep up with. After the murder of student Ivanov in 1869 and the trial of the Nechaevtsy in 1871, the new generation that replaced the generation of the sixties was essentially indifferent to politics and therefore did not encroach on the state system directly. Believing that illegal communities rarely pursue “an anti-social goal without any relation to political goals,”¹² the members of the Commission did not record this transformation. In their discussion of “organization,” one can clearly see a reference to Nechaev’s *Narodnaya rasprava* (People’s Retribution): it consisted of circles subordinate to the general chief or committee, the members “vowed to unconditionally obey someone” and “did not know all of the other members of the community or the administration of the latter.”¹³ In 1872, such a view had already become an anachronism, but in the 1870s it still remained in the minds of many representatives of the authorities and determined the nature of the measures taken in order to struggle against the protest movement.

The dissenting opinion was given only by the legal adviser of the Third Section M. Bazhenov. His description of an illegal community was far from *Narodnaya rasprava* imagined by the rest and, apparently, was based on the knowledge of reality. From Bazhenov’s point of view, the government was dealing not with a centralized and conspiratorial organization but with amorphous associations: “a few spoiled people” were expanding their circle with

. . . conversations in the spirit of mutual self-development, then joint reading of books and brochures of one-sided and extremely radical contents . . . the goal or task of the community was proclaimed, which was more and more often the desire to improve the life of the people.¹⁴

A note by M. Bazhenov forced the members of the Commission to share their opinions on self-development circles, which previously had been outside the scope of their attention. Unlike the representative of the Third Section, the participants in the meeting did not consider it necessary to specifically record politically indifferent associations in the law:

¹² “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” l. 48 ob.

¹³ “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” l. 35.

¹⁴ “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” l. 40.

Until such a circle has turned into a community, until the persons involved in it have been bound by a goal common for all of them, it will be enough to take police measures against them.¹⁵

In this case, it is obvious that there is a discrepancy in interpreting the situation by the political police, at whose request the meeting was convened, and by the representatives of other departments. As a result, the opinion of the majority won: even if members of self-education circles represented “an element harmful for public order,” there was no need to specifically persecute them if they were not included in a centralized organization.

By and large, this mutual misunderstanding predetermined the peculiarities of the legal inquiry into the propaganda in the Empire and the Trial of the 193. The political police and prosecutors could view youth protest only through the prism of an “illegal community” and “centralized organization” given to them by the law as a result of the 1872 meetings. More amorphous forms of political protest, youth meetings and student circles were legally inaccessible to them. In practice, this led to the fact that the representatives of the authorities considered the protest movement of the 1870s to be united and well-coordinated and to have stretched its network throughout the entire space of the Empire, which had little correspondence with reality.¹⁶ Unsurprisingly, accusations against youth protestors easily disintegrated during the trials. Evidence for the existence of a unified agitation center carrying out a common program was ephemeral.

The decision on the results of the Commission’s work was taken by the general meeting of the State Council only two years later, on April 6, 1874, and was approved by Alexander II in June. Instead of Article 318 of the Code, four new clauses were introduced, which made it possible to prosecute communities that encroached on the “foundations of public life.” The final version retained the opinion of the majority that the presence of a centralized organization and unconditional subordination to a certain leader were of crucial significance as an aggravating circumstance. The opinion of the representative of the Third Section who viewed the situation from the perspective of pragmatism and knowledge of political realities was not taken into account.

Committee of Ministers, 1875

The problem of revolutionary propaganda was raised again at a higher level during three meetings of the Committee of Ministers on March 18, March 26 and April 1, 1875. As in the previous instance, the meeting was initiated by the head of

¹⁵ “Journal of the Commission for the Review of Current Laws on Illegal Communities,” 1. 42.

¹⁶ A.A. Rubtsov, “Social networks of Russian revolutionary populism of the 1870s in investigative materials” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 2 (2018): 75–84.

the Third Section and the subject for the ministers to consider was the problem of spreading “destructive doctrines” in society. At the same time, Alexander II gave a special order that the Committee should deliver an opinion that all departments must oppose “destructive theories” and also it should discuss

whether it was generally necessary and useful to take any other measures in order to reduce the influence of the active propaganda of harmful false doctrines that had been discovered.¹⁷

This order emerged because as early as in January of 1875 the Minister of Justice sent a letter to the chairmen and prosecutors of the court chambers with instructions to counteract evil not only through official activities but also in private life.

The meetings in the spring of 1875 became the first discussion of the problem by all the heads of ministries and departments (in December 1874, a meeting of seven ministers was convened on the subject of student unrest in St Petersburg). The Committee of Ministers also invited the former head of the Third Section P. Shuvalov and A. Potapov who replaced him. It is important to note that the following materials were specially prepared for the discussion of 1875 for the first time: the note by Minister of Justice K. Palen on the development of revolutionary propaganda in Russia (apparently written by prosecutor S. Zhikharev) and the report by A. Potapov based on the materials of the Third Section on the number of persons who had been arrested and involved in political legal inquiries. In addition, the ministers were provided with two texts attributed by the police as the writings of Alexander and Peter Kropotkin.

Attention should be paid to the fact that the ministers confirmed their little awareness of the subject of discussion. In the journal of the Committee, it was described as

general obscurity until then. . . of the facts that had been discovered in the recent legal inquiry as well as the essence of the theories elaborated by the agitators and the measures they proposed for the implementation of their pernicious plans.¹⁸

¹⁷ “Vypiska iz zhurnalov Komiteta ministrov 18 i 26 marta i 1 aprelya 1875” [Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875]. Vypiska iz zhurnala zasedaniya Komiteta ministrov po povodu zapiski ministra yustitsii o rasprostraneni revolyutsionnoi propagandy [Extract from the journal of the meeting of the Committee of Ministers on the note of the Minister of Justice on the dissemination of revolutionary propaganda]. F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 1. RGIA.

¹⁸ “Vypiska iz zhurnalov Komiteta ministrov 18 i 26 marta i 1 aprelya 1875” [Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875], l. 3.

N. Asheshov regarded this statement as a stinging remark addressed to the political police in general and its former head P. Shuvalov in particular. For 8 years, the influence of the latter was based almost exclusively on frightening the Emperor with the threat of revolution.¹⁹

In these circumstances, it is especially important in what way the development of the revolutionary movement was presented to the Committee of Ministers by three “experts” (Shuvalov, Potapov and Palen) and on the basis of which texts the ministers were supposed to form an opinion about the “essence of the theories.”

In a note by the Minister of Justice, the development of a new phase of the youth movement was presented as scattered circles of impressionable youth (“their activities did not go beyond purely theoretical literary disputes and youthful hobbies”²⁰) falling under control of adherents of Bakunin and other “ultra-democrats and socialists” who had arrived from abroad and were associated with the International. As a result, by 1874 the Empire had been covered by a network of secret illegal communities, whose members had the goal of “overthrowing the state system and the entire existing order and establishing complete anarchy,” which they were going to achieve by adhering to “a plan under strictly consistent implementation.”²¹ It is easy to see that this description was extremely inconsistent. On the one hand, the note listed many different circles, highlighted the activities of individuals, and described scattered episodes of the revolutionary struggle. On the other hand, hints of some kind of general leadership were scattered throughout the text but the leaders or revolutionary centers were not indicated directly.

The note by A. Potapov pointed to the Nechaev’s trial as the moment when a “new direction” of the revolutionary movement in Russia could begin, when instead of a political program, economic issues turned out to be at the center of the protest. He also characterized the movement as united and well-organized (“according to the same program, by the same common means”) and at the same time embracing “not individual circles, but, as one might say, almost an entire generation.”²² Indication of the novelty of the phenomenon and close connection with socialist and communist “theories” were common to both analytical texts.

¹⁹ Asheshov, “Peter Kropotkin and the Russian government in 1875,” 54.

²⁰ “Note by Minister of Justice Count Palen. The progress of revolutionary propaganda in Russia (1875)” [in Russian], *Byloe*, no. 9 (1907): 269.

²¹ “Note by Minister of Justice Count Palen,” 276.

²² A.L. Potapov, “O revolyutsionnom dvizhenii v Rossii” [On the revolutionary movement in Russia]. *Dokladnaya zapiska Nachal'nika III Otdeleniya EIVK A.L. Potapova “O revolyutsionnom dvizhenii v Rossi”* [Memorandum of Head of the Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery Alexander Potapov “On the revolutionary movement in Russian]. F. 694, op. 2, d. 131, ll. 1–1 ob. RGIA.

The interpretation offered by the former Chief of Gendarmes P. Shuvalov differed from the versions of K. Palen and A. Potapov, but it was Shuvalov's interpretation that was recorded in the journal of the Committee. Shuvalov viewed the movement as a continuous process that began in 1866 and steadily expanded over the course of nine years from 4 to 30 provinces as "a consequence of the aggregate activity of the disciplined party of adherents of false doctrines."²³ Apparently, the decisions taken by the Committee were influenced by that latter version.

"Destructive theories" as viewed by the imperial bureaucracy

From the ideological point of view, the Narodnik movement of the 1870s was an extremely fragmented phenomenon. The necessity to consider the events that were taking place at the time as a "community" forced the officials to look for a "program" that was shared by all participants in the movement and expressed in one or several texts. In his note, K. Palen repeatedly emphasized the influence of manuscripts and printed publications on the development of youth protest. The note mentioned the works by Mikhail Bakunin, P. Lavrov's journal *Vpered* [Forward], legal ("Dedushka Egor" [Grandfather Yegor], "Mityukha," "Stepnye ocherki" [Steppe Essays], "Ocherki fabrichnoi zhizni" [Essays on Factory Life], "Sila solomu lomit" [The Power to Break Straw]) and illegal publications ("O Sten'ke Razine" [About Stenka Razin], "Istoriya frantsuzskogo krest'yanina" [The Story of a French Peasant], "Skazka o chetyrekh brat'yakh" [Tale of Four Brothers], "Sbornik novykh stikhov i pesen" [Collection of New Poems and Songs], "Khitraya mekhanika" [Tricky Mechanics], "Chto-to brat'sy" [Well, Brothers]) that were disseminated "among the people." This list was far from complete and did not represent the entire spectrum of socialist literature read in revolutionary circles. None of the works in the list was provided to the Committee of Ministers. However, brief descriptions of some of them were given. In particular, the following was said about the brochure "Stenka Razin": "His actions and execution are praised and glorified as feats of great civil courage to defend the oppressed people." A number of legal writings on peasant life were characterized as follows:

The idea of a desperate situation for the working class, its exploitation by capital, and the disastrous consequences for the kulaks are promoted, and finally, sharp examples of successful protest of the oppressed peasantry and the lower classes in general are put forward.²⁴

The note by A. Potapov said the following about them:

²³ "Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875," F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 2 ob.

²⁴ "Note by Minister of Justice Count Palen," 274.

Even books are distributed, often authorized by the censorship, which finds it difficult to understand the true meaning and purpose of a seemingly innocent work hidden behind conventional phraseology.²⁵

The works of Bakunin were of more importance for the Ministry of Justice than the whole amount of literature for the people that was published by the Circle of Tchaikovsky and their followers. It is Bakunin's manuscripts that the note presents as the ideological basis for all other works, and the quote from *Statism and Anarchy* illustrates the ultimate goal of the movement:

The destruction of all states, demolition of bourgeois civilization, free organization from the bottom up by means of free unions – the organization of the unbridled people of lower classes of all liberated humanity, creation of a new universal human world.²⁶

Obviously, the choice of Bakunin's writings and the definition of the goal of all circles in general as "the complete establishment of anarchy" were deliberate. The Ministry of Justice created a picture of an ideologically united movement and attributed the views of its extreme wing to all participants in the protest communities in general. At the same time, the quote from Bakunin was supposed to demonstrate to the ministers the absurdity of the theories professed ("No matter how wild such a doctrine is. . .").

While the Ministry of Justice suggested that the youth movement should be viewed mainly through the prism of anarchism in Bakunin's version, the political police represented by A. Potapov offered the Committee of Ministers other "glasses": anarchism in the version of the early writings by Peter Kropotkin. The work by P. Kropotkin "Must We Occupy Ourselves with an Examination of the Ideal of a Future System?" was written in 1873 to record the program of the Circle of Tchaikovsky.²⁷ Although it is mentioned in the memoirs of the participants in "going to the people" as an important program document, its censored text was first published in the *Byloe* journal only in 1921. In *Notes of a Revolutionary*, P. Kropotkin himself argued that of all members of the organization, his views on the goal of the movement and the means of achieving it were supported by four persons

²⁵ Potapov, "On the revolutionary movement in Russia," F. 694, op. 2, d. 131, l. 1 ob.

²⁶ "Note by Minister of Justice Count Palen," 270.

²⁷ See O.N. Shchennikova, "The importance of the note 'Should we consider the ideal of the future political organization of the state' by P.A. Kropotkin for the development of the Narodnik ideology" [in Russian], *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (2006): 87–90.

only.²⁸ In addition, almost every newly emerging circle considered it its duty to formalize its program, which is why there were many texts that could compete with Kropotkin's note.

This work was presented to the Committee of Ministers and later to the court as a "propaganda program," its author being "one of the leading agitators."²⁹ At the same time, the note was provided to the ministers with significant omissions: about half of the text was excluded from the first part devoted to the "ideal of a future system." The more abstract part was untouched. It contained references to the ideas of the socialists in general, "writers of the past," "thinkers," and "economists" as well as specific names, such as Owen, Darwin, Wallace, and Proudhon. The experience of Western Europe, USA, Switzerland, France, and Germany was also mentioned there in a positive context.³⁰ Kropotkin's arguments about the uselessness of the state were shortened as well as all proposals for the implementation of the socialist ideal after the revolution. The omitted part was most independent and specific. Moreover, it contained references to Russian realities. For example, it mentioned the inequality of labor costs of the grain farmers in Tambov and Vyatka governorates.³¹ Obviously, the purpose of the omissions was to create an illusion of the secondary nature of the text, the dependence of the author's ideas on Western European socialist thought, and their inapplicability to Russian realities.

Analyzing the content of the note in the report dated March 4, 1875 he prepared for the meeting of the Committee, A. Potapov reduced it to two aspects: what was to be "destroyed" (personal property, government, institutions of higher education) and by what means it was to be carried out. It is easy to see that the latter worried the Chief of the Gendarmes more as the corresponding part was considered by him in more detail.

Realization of this ideal must be accomplished through a social revolution, which will require many local and even general explosions. Accelerating and setting off these explosions in all ways – such is the task of the revolutionary party. At the same time, all means are recognized as permissible and even necessary in relation to the representatives of capital and authorities with whom it enters into struggle.

²⁸ P.A. Kropotkin, *Notes of a revolutionary* [in Russian] (Moscow: Moskovskii rabochii, 1988), 274.

²⁹ "Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875," F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 3 ob.

³⁰ P.A. Kropotkin, "Must we occupy ourselves with an examination of the ideal of a future system?" [in Russian], in S.N. Valk, ed., *Revolutionary populism of the 1870s*, vol. 1, 1870–1875 (Moscow: Nauka, 1964), 55–71.

³¹ Kropotkin, "Must we occupy ourselves with an examination of the ideal of a future system?" 71–84.

This is how the “propaganda program” was presented in the analysis by A. Potapov.³²

A slightly different interpretation of the text by A. Potapov is recorded in the journal of the Committee. The “ideal of a future system” is presented just as briefly (“communal living outside any State with the denial of all property and authorities and imaginary existence of communes only”).³³ On the contrary, more attention was paid to the “practical” part. Instead of general words about the necessity of revolution, Potapov retold Kropotkin’s arguments in favor of propaganda “among the people” and the senselessness of disseminating these doctrines among students. The latter was described as “a waste of time” due to the lack of sensitivity of youth to “extreme views” and its inability to “renounce science.”³⁴ From the discussion by the Committee, it becomes clearer why the focus shifted. On the basis of the materials presented and their analysis, the ministers came to the conclusion that the revolutionary ideal could arouse no sympathy “even in undeveloped and exalted characters.” According to the representatives of the Committee, the propagandists acted by deception and hid their true goals not only from society but also from their main audience (youth and public).³⁵

The work by P. Kropotkin has been repeatedly discussed in historiography whereas another document, which was found in the papers of his brother Alexander Kropotkin,³⁶ is usually excluded from the corpus of the texts that are important for the Narodnik movement. The writing, which Potapov gave the title “The Program of Revolutionary Propaganda Compiled by Prince A. Kropotkin,” was published in the *Byloe* journal in 1921 as a foreword to “Must We Occupy Ourselves with an Examination of the Ideal of a Future System?” and was attributed to P. Kropotkin. N. Asheshov gave no comments on the fact that the Third Section considered Alexander Kropotkin to be the author of the text. In 1964, when publishing the full text of “Must We Occupy Ourselves,” B. Itenberg called Asheshov’s attribution “a bad mistake.” His arguments included the discrepancy between the dates: the note was written in July 1874, when Peter Kropotkin was already in the fortress. In addition, Alexander Kropotkin corresponded with P. Lavrov about the publication of

³² Potapov, “On the revolutionary movement in Russia,” F. 694, op. 2, d. 131, l. 1.

³³ “Kopiya zhurnala Komiteta ministrov” [Copy of the journal of the Committee of Ministers]. Preprovoditel'noe pis'mo Kokhanova D.M. Sol'skomu s prilozheniem vypiski iz zhurnala komiteta ministrov o revolyutsionnoi propagande v Rossii [Cover letter by Kokhanov’s to D.M. Solsky with an appended extract from the journal of the Committee of Ministers on revolutionary propaganda in Russia]. F. 694, op. 2, d. 129, l. 12. RGIA.

³⁴ “Copy of the journal of the Committee of Ministers,” ll. 13 ob.–16.

³⁵ “Copy of the journal of the Committee of Ministers,” ll. 12 ob.–13.

³⁶ Alexander Kropotkin is known as the author of a number of works in mathematics. In 1876 he was suspected of organizing the escape of his younger brother, administratively exiled to Tomsk, where he committed suicide in 1886.

this writing in the *Vpered!* journal.³⁷ This attribution was disputed by V. Bazanov and then by N. Troitskii. According to them, Alexander Kropotkin could not be the author of the note because he did not participate in any revolutionary organizations. From their point of view, the discrepancy between the dates can be explained by the fact that, as the memoirists testify, during prison visits Peter Kropotkin gave his brother encrypted notes that possibly contained the text of the program.³⁸

For the issue under consideration in this article, the authorship of the “Program of Revolutionary Propaganda” is not as important as the attention paid by the Committee of Ministers to this text, which is more practical and, what is equally important, more concise. In contrast to the abstract writing about “the ideal of a future system,” the Program did not contain any theoretical provisions. Proclaiming the inevitable progressive movement from conspiracies to armed rebellion in the first paragraph (without specifying the driving forces of the “rebellion”), its author moved on to a number of practical pieces of advice on how to “go to the people.” He argued that the desire to become a revolutionary was not enough; preparation was needed: reading, learning a craft, and personal acquaintance with the life of the people. At the stage of acquaintance, propagandists should be silent so as “not to get caught in vain.” The pieces of advice, apparently, were a record of the mistakes of the first wave of “going to the people” and therefore they were practical. In some instances, they were rather anecdotal in nature. For example, propagandists should not have worn red shirts because since those “offend the eye of the peasants who dress like that during holidays only.”³⁹

There is no information whether the Program was known in the narodnik circles and whether the opinion it expressed was consolidated even in the slightest degree. At the suggestion of the officials of the Third Section and the Ministry of Justice, the Committee of Ministers discussed it as the general program of the entire movement rather than as an example. Perhaps, that is why its contents were rendered by A. Potapov with the help of the wording of the Code of Punishments: the Program touched upon the foundations of “morality” and “public order” and also incited to hatred “not only to the existing state structure but also to the entire current economic and family structure of people’s life.”⁴⁰

In fact, the goal of the movement was worded in the text in an abstract way. For example, the Program contained advice not to use “universal human ideas about

³⁷ B.S. Itenberg, “Foreword” [in Russian], in *Revolutionary populism of the 1870s*, vol. 1, 11.

³⁸ N.A. Troitskii, *The first in the brilliant pleiad. The Grand Propaganda Society of 1871–1874* [in Russian] (Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991), 7–8.

³⁹ “Programma revolyutsionnoi propagandy, sostavlennaya knyazem A. Kropotkinym” [The program of revolutionary propaganda compiled by Prince A. Kropotkin]. F. 694, op. 2, d. 131, l. 4 ob. RGIA.

⁴⁰ Potapov, “On the revolutionary movement in Russia,” F. 694, op. 2, d. 131, l. 1.

socialism, equality and solidarity” in the propaganda since they were incomprehensible to the people. It also recommended never to offend religious convictions (revolutionaries should go to church, keep the fast, etc.) and faith in the Tsar (sometimes it is even useful to “praise him indirectly”) but to agitate only against “the government and the masters.”⁴¹ Obviously, it took some effort and imagination to see a violation of the law in this text. It is not surprising that A. Potapov complained about the “elusiveness” of the revolutionaries: “The propaganda system provides so little legal evidence and so few external manifestations in general.”⁴²

Based on the writings provided to them, the members of the Committee of Ministers came to that very conclusion the “experts” pushed them to: propaganda developed because it acted by deception (“they constantly point out the necessity to hide the ultimate goals for the success of the cause. . . in interaction with the people, to adapt to their beliefs without touching either the faith or the Tsar”). The “ideal” proclaimed by the revolutionaries could not find sympathy for itself neither in society nor among receptive young people since it was the “nonsense of fanatical imagination.” The propagandists “rejected all measures aimed at raising the level of the people’s well-being,” suggesting “streams, rivers, and floods of blood” instead.⁴³

The attitude to socialist ideas as nonsense, by deception implanted on the fertile soil of young minds whose young age inspired their search for justice and goodness, led the Committee of Ministers to quite logical decisions. Publicity was declared as the main method of struggling against revolutionary propaganda. “The entire perniciousness of the expounded doctrines and the degree of danger threatening from their implementation were to be exposed” during an open trial. While the trial was prepared, it was supposed to disseminate the same information in the press.⁴⁴

In the debate, several members of the Committee of Ministers (Minister of Finance S. Greig, Minister of State Property P. Valuev, Minister of Railways K. Posyet as well as P. Shuvalov, A. Potapov and Grand Duke Konstantin Nikolayevich of Russia) spoke in favor of the need for a deeper study of the causes of the revolutionary movement development and “a more deliberate system of governmental measures.” Of them, only P. Valuev was ready to define the problem

⁴¹ “The program of revolutionary propaganda compiled by Prince A. Kropotkin,” F. 694, op. 2, d. 131, l. 5.

⁴² Potapov, “On the revolutionary movement in Russia,” F. 694, op. 2, d. 131, l. 1 ob.

⁴³ “Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875,” F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 3 ob.

⁴⁴ “Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875,” l. 4. Out of context, this quote seems to be a call for a bloody massacre of landowners. However, P. Kropotkin wrote about the people’s uprisings that had been suppressed: “atrocities” and “rivers of blood” should undermine the people’s faith in the Tsar (Kropotkin, “Must we occupy ourselves with an examination of the ideal of a future system?”, 38).

more specifically: the school and the clergy in their existing form were able neither to counteract false doctrines nor “to serve as the most reliable supports of sound state principles.” The majority of the Committee members considered the task of determining the causes of propaganda “too complicated” and even “exceeding the force of several persons” and therefore refused to discuss any measures to counteract the “anarchist aspirations,” making the “liable ministers” responsible for them.⁴⁵ In Asheshov’s interpretation, basically, the Committee of Ministers came close to the correct conclusions (“touched upon the issues of freedom of the press, propaganda, and public opinion, and the questionnaire on the causes of the revolutionary movement and its connection with the welfare of the masses and the public school”) but could not overcome the “antiquated nature of the autocracy.”⁴⁶

A completely different explanation is given in the diary of P. Valuev, which contains the only evidence of the March meetings other than the journal of the Committee of Ministers. According to his version, the issue really was not discussed “to the point,” but solely because of the conflict between the ministers, which was fueled by the invitation of Grand Duke Konstantin Nikolayevich of Russia to participate in the meetings. When proposing to study the school and the church, Valuev himself did not mean their democratization, as N. Asheshov interpreted the information from the journal of the Committee. On the contrary, his proposals were perceived by the “liberal” part of the Committee (Grand Duke Konstantin Nikolayevich of Russia, Dmitrii Milyutin, and Alexander Abaza) as an attempt on the Regulations of February 19, 1861 or a doubt about the loyalty of the Russian people to the Tsar and the Fatherland. The diary also contains a statement by Alexander Gorchakov which was not included in the Journal that the propagandists were “the government’s best allies.” According to P. Valuev, the old disagreements on domestic policy issues led to the fact that the members of the Committee did not take a close look at the essence of the issue proposed to them for discussion and preferred “. . . to get off with phrases. They started talking about the announcement of social programs as the best way to call a peasant’s sound mind for the rescue, etc.”⁴⁷ It is noteworthy that in the diary of D. Milyutin, another participant in these meetings, there are no entries for February–March 1875, and the events of the two missing months are summarized as follows: “Nothing happened. . . . Now I can hardly remember anything special worthy of being entered into my diary in retrospect.”⁴⁸

⁴⁵ “Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875,” F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 4 ob.

⁴⁶ Asheshov, “Peter Kropotkin and the Russian government in 1875,” 57.

⁴⁷ P.A. Zaionchkovskii, ed., *The diary of Pyotr Valuev, Minister of Internal Affairs* [in Russian], vol. 2, 1865–1876 (Moscow: AN SSSR, 1961), 317.

⁴⁸ D.A. Milyutin, *Diary* [in Russian], vol. 1, 1873–1875 (Moscow: Gosudarstennaya ordena Lenina biblioteka SSSR im. V.I. Lenina, otdel rukopisei, 1947), 182.

By and large, the only decision of the Committee was the demand for the prompt publication of “news of the facts and intentions of revolutionary agitators disclosed by the investigation in progress.” The form of such a publication was to be determined by the Minister of Internal Affairs in agreement with the Minister of Justice and the Chief of the Gendarmes.⁴⁹

Conclusion

On the eve of the largest trial of the narodniks, which determined the nature of the movement in the second half of the 1870s, the most representative discussion of the problem of political protest by the bureaucratic elite did not have any significant result despite the direct request of the Emperor. The Committee of Ministers, many members of which, by their own admission, discussed the problem of criminal propaganda and the essence of “false doctrines” for the first time, quite naturally came to the conclusions which the “experts” pushed them to. They perceived socialism as fanatical “nonsense” that had nothing to do with Russian reality, and its spread was associated with propagandists deceiving their credulous audience, which included immature youth and an even more immature “people.” This opinion was in many ways formed on the basis of the texts offered for reading that had been confiscated from Kropotkin brothers and were presented as program documents of the entire movement rather than private opinions of individuals or one particular circle.

In conjunction with the amendments to the Code of Punishments adopted a year earlier, the decisions of the Committee of Ministers produced a strange effect. “Destructive theories” did not seem to be dangerous and to have any chance of being assimilated by the target audience as long as the essence of these theories was to be explained by means of the press and public trial. However, a very serious punishment was imposed for their dissemination since they encroached on “public order and peace.” At the same time, in order to grasp these “destructive theories” in revolutionary writings, which were often the only evidence against the participants in “going to the people,” sometimes it was necessary to make a lot of efforts. By and large, the Committee of Ministers made the corresponding departments responsible for the solution to the problem, and each of the departments in question obviously pursued its own goals. The Third Section had to suppress any forms of protest and the prosecutors as the representatives of the Ministry of Justice had to supply it with some legal grounds that were determined in the Code of Punishments on the basis of the Commission’s propositions of 1872, which had little to do with reality. If we talk about the general policy of the state rather than tactical decisions taken by the

⁴⁹ “Extract from the journals of the Committee of Ministers as of March 18 and 26 and April 1, 1875,” F. 1409, op. 3, d. 8472, l. 5.

political police and the prosecutor's supervision, we can conclude that the former was not based on "fear" of the revolutionary movement. On the contrary, we are dealing with an underestimation of the seriousness of the problem in the first half of the 1870s. The members of the Committee of Ministers showed clear disinterest in a serious discussion of the issue and preferred to agree with the "experts." This attitude was determined by the contradictions that had developed long before the March meetings and not in connection with the revolutionary movement.

The failure to understand what was happening was clearly realized only in 1877, when at a meeting of the Council of Ministers chaired by Alexander II on March 16, it was decided to create a special commission to study "the causes of the rapid spread of destructive doctrines among the younger generation."⁵⁰ The draft program of the Commission's work was drawn up at the Emperor's request by the Minister of Internal Affairs, Minister of Justice, Minister of Public Education, and the Chief of Gendarmes under the leadership of P. Valuev. The Committee of Ministers, which discussed the draft on May 10 and 17, expressed itself along the lines similar to those of two years earlier. The issues submitted for the Committee's consideration seemed complex and multifaceted and could cause "uncomfortable discussions" on many subjects.⁵¹ At the same time, the participants in the meeting noted a patriotic upsurge in connection with the Balkan events and considered it untimely to discuss the problem of the revolutionary movement, which would certainly become public and lead to unnecessary talk. On the journal of the Committee of Ministers, Alexander II left the mark "Postpone until a more favorable time" and thereby predetermined further deeper misunderstanding of what was happening by the supreme administration, which led to catastrophic consequences.

Список литературы

Ашешов Н.П. П.А. Кропоткин и русское правительство в 1875 году // *Былое*. 1921. № 17. С. 48–54.

Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народная воля», ее происхождение, судьба и гибель. Москва: Русская мысль, 1912. 483 с.

Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел / под редакцией П.А. Зайончковского. Т. 2. 1865–1876. Москва: АН СССР, 1961. 592 с.

⁵⁰ "Osobyi zhurnal Komiteta Ministrov 10 i 17 maya 1877" [Special journal of the Committee of Ministers as of May 10 and 17, 1877]. Zhurnal komiteta ministrov po sostavleniyu programmy zanyatii po issledovaniyu prichin rasprostraneniya v Rossii propagandy [Journal of the Committee of Ministers on the preparation of a program to research the causes of the spread of propaganda in Russia]. F. 1263, op. 1, d. 3903, l. 1 ob. RGIA.

⁵¹ "Special journal of the Committee of Ministers as of May 10 and 17, 1877," ll. 10–10 ob.

Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 1964. 513 с.

Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России (1875 г.) // *Былое*. 1907. № 9. С. 268–276.

Кропоткин П.А. Записки революционера. Москва: Московский рабочий, 1988. 544 с.

Милютин Д.А. Дневник. Т. 1. 1873–1875. Москва: Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина, отдел рукописей, 1947. 256 с.

Революционное народничество 70-х годов XIX века: в 2 т. / под редакцией С.Н. Валка. Т. 1. 1870–1875. Москва: Наука, 1964. 530 с.

Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Москва: РОССПЭН, 2010. 511 с.

Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов: коллективная монография / [Б.С. Итенберг, А.М. Анфимов, А.М. Соловьева и др.]; ответственный редактор Б.С. Итенберг. Москва: Наука, 1983. 560 с.

Рубцов А.А. От беспорядков к демонстрациям: интерпретация массовых политических преступлений 1870-х гг. российскими властями // *Антропологический форум*. 2020. № 44. С. 114–138.

Рубцов А.А. Социальные сети революционного народничества 1870-х годов в материалах следственных дел // *Вестник Пермского университета. История*. 2018. № 2. С. 75–84.

Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. Москва: Мысль, 1978. 323 с.

Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды. Большое общество пропаганды 1871–1874 годов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 314 с.

Христофоров И.А. В поисках единства: административные преобразования в контексте Великих реформ (1850–1870-е гг.) // *Административные реформы в России: история и современность* / ответственный редактор Р.Н. Байгзин. Москва: РОССПЭН, 2006. С. 177–219.

Щенникова О.Н. Значение записки П.А. Кропоткина «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» для развития народнической идеологии // *Известия Алтайского государственного университета*. 2006. № 4. С. 87–90.

Rieber A.J. Bureaucratic politics in imperial Russia // *Social Science History*. 1978. Vol. 2, № 4. P. 399–413.

References

Asheshov, N.P. “P.A. Kropotkin i russkoe pravitel'stvo v 1875 godu” [Peter Kropotkin and the Russian government in 1875]. *Byloe*, no. 17 (1921): 48–54. (In Russian)

Bogucharskii, V.Ya. *Iz istorii politicheskoi bor'by v 70-kh i 80-kh gg. XIX veka. Partiya “Narodnaya volya”, ee proiskhozhdenie, sud'ba i gibel'* [From the history of political struggle in the 1870s and 1880s. The Narodnaya Volya party, its origin, fate and death]. Moscow: Russkaya mysl', 1912. (In Russian)

Itenberg, B.S., A.M. Anfimov, A.M. Solov'eva, et al. *Rossiya v revolyutsionnoi situatsii na rubezhe 1870–1880-kh godov: kollektivnaya monografiya* [Russia in a revolutionary situation at the turn of the 1870s–1880s: a multi-authored monograph]. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)

Khristoforov, I.A. “V poiskakh edinstva: administrativnye preobrazovaniya v kontekste Velikikh reform (1850–1870-e gg.)” [In search of unity: administrative transformations in the

context of the Great Reforms (1850s–1870s)]. In *Administrativnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Administrative reforms in Russia: history and modernity], edited by R.N. Baigzin, 177–219. Moscow: ROSSPEN, 2006. (In Russian)

Kropotkin, P.A. *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a revolutionary]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1988. (In Russian)

Milyutin, D.A. *Dnevnik* [Diary]. Vol. 1, 1873–1875. Moscow: Gosudarstennaya ordena Lenina biblioteka SSSR im. V.I. Lenina, otdel rukopisei, 1947. (In Russian)

Remnev, A.V. *Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Autocratic government: Committee of Ministers in the system of supreme government of the Russian Empire (the second half of the 19th – early 20th century)]. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Rieber, A.J. “Bureaucratic politics in imperial Russia.” *Social Science History*, vol. 2, no. 4 (1978): 399–413.

Rubtsov, A.A. “Ot besporyadkov k demonstratsiyam: interpretatsiya massovykh politicheskikh prestuplenii 1870-kh gg. rossiiskimi vlastyami” [From unrest to demonstrations: the policy of the Russian authorities regarding mass political actions of the radical youth of the 1870s]. *Antropologicheskii forum*, no. 44 (2020): 114–38. (In Russian)

Rubtsov, A.A. “Sotsial'nye seti revolyutsionnogo narodnichestva 1870-kh godov v materialakh sledstvennykh del” [Social networks of Russian revolutionary populism of the 1870s in investigative materials]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 2 (2018): 75–84. (In Russian)

Shchennikova, O.N. “Znachenie zapiski P.A. Kropotkina ‘Dolzhen li my zanyat'sya rassmotreniem ideala budushchego stroya?’ dlya razvitiya narodnicheskoi ideologii” [The importance of the note “Must we occupy ourselves with an examination of the ideal of a future system?” by P.A. Kropotkin for the development of the Narodnik ideology]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (2006): 87–90. (In Russian)

Troitskii, N.A. *Bezumstvo khrabrykh. Russkie revolyutsionery i karatel'naya politika tsarizma. 1866–1882 gg.* [The daring of the valiant. Russian revolutionaries and the punitive policy of tsarism. 1866–1882]. Moscow: Mysl', 1978. (In Russian)

Troitskii, N.A. *Pervye iz blestyashchei pleyady. Bol'shoe obshchestvo propagandy 1871–1874 godov* [The first in the brilliant pleiad. The Grand Propaganda Society of 1871–1874]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991. (In Russian)

Valk, S.N., ed. *Revolutsionnoe narodnichestvo 70-kh godov XIX veka* [Revolutionary populism of the 1870s]. Vol. 1, 1870–1875. Moscow: Nauka, 1964. (In Russian)

Zaionchkovskii, P.A. *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-kh godov* [The crisis of autocracy at the turn of the 1870s–1880s]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1964. (In Russian)

Zaionchkovskii, P.A., ed. *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del.* [The diary of Pyotr Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. 2, 1865–1876. Moscow: AN SSSR, 1961. (In Russian)

“Zapiska ministra yustitsii grafa Palena. Uspekhi revolyutsionnoi propagandy v Rossii (1875 g.)” [Note by Minister of Justice Count Palen. The progress of revolutionary propaganda in Russia (1875)]. *Byloe*, no. 9 (1907): 268–76. (In Russian)

Информация об авторе

Юлия Александровна Сафронова – кандидат исторических наук, доцент; jsafronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>, Европейский университет в Санкт-Петербурге (191187 Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1, А)

Information about the author

Yuliya A. Safronova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; jsafronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>, European University at St Petersburg (6/1A, ul. Gagarinskaya, St Petersburg, Russia, 191187)

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 01.11.2021.

The article was submitted 27.08.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 01.11.2021.